

нами св. Станислава 3-й ст., св. Анны 4-й ст. и другими наградами? «Публичная брань и укоризны на начальства, побуждение к этому других» – такие характеристики деяний С. А. Шарапа, запечатленные в многочисленных документах, во все времена не прощались даже героям. В сентябре 1877-го его бригаду уже возглавил преемник. А приказом по войску от 18 января 1878 года С. А. Шарап исключен из списков Кубанского казачьего войска как умерший [12]. Учитывая специфику тогдашнего делопроизводства (подобные решения вначале принимались в Петербурге, а это несколько месяцев канцелярской волокиты), можно с большой уверенностью предположить, что умер Степан Андроникович летом 1877 года.

Никто не озаботился судьбой его архива, в котором, как минимум, хранилась переписка с редакцией журнала «Основа» и адресованные к нему письма В. Мовы. Наверняка были там и собственные сочинения Шарапа, не попавшие в печать. Не сохранилась до наших дней и могила казачьего литератора. Поэтому единственным достойным памятником ему стал поэтический шедевр его друга – знаменитая украинская баллада «Казачьи кости».

Литература и комментарии

1. Алчевская Х. Д. Письмо // Украинская жизнь. 1912. № 4. С. 87.

2. Мова-Лиманский В. С. И я вас любил, голубка... Посв. Х. Д. Алчевской // Харьковский листок. 1905. 14 мар.

3. Стецько Шаран (!). З Чорноморії // Українська преса. Хрестоматія. Т. І. Преса Східної України 60-х років XIX ст. / за ред. д-ра філолог. наук, проф. М. Ф. Нечитайлока. Львів, 1999. С. 375–279.

4. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 33. Д. 346 «О дворянстве рода Шарапа». Л. 1–19.

5. Записка полковника Шарапа, главного действующего лица при восстании Василию Семеновичу Мове // Кубанский сборник. Т. 16. Екатеринодар, 1911. С. 417.

6. Там же. С. 449.

7. Письмо С. А. Шарапа В. М. Билозерскому от 11 дек. 1862 г. / публ. В. К. Чумаченко // Третьи кухаренковские чтения. Краснодар, 1999. С. 123–126.

8. Мова Василь. Лист до В. Гнилоширова // Мова (Лиманський) В. Куліш. Байда і козаки / науч. ред. Ю. В. Шевелев и В. К. Чумаченко. Нью-Йорк, 1995. С. 78.

9. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 670. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

10. Там же. Л. 93–93 об.

11. Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2129. Л. 1.

12. Там же. Приказы по Кубанскому казачьему войску. Приказ № 22 от 18 янв. 1878 г. Инв. № 8068.

V. K. CHUMACHENKO. REGARDING THE HISTORY OF ONE POETIC DEDICATION: THE BALLAD «THE COSSACKS' BONES» BY V. MOVA (LIMANSKY)

The article analyzes a classic-type ballad «The Cossacks' Bones» by V. Mova (Limansky) dedicated to one of the brightest representatives of Kuban social journalism of the III quarter of the XIX century, Cossack officer S. Sharap.

Key words: V. Mova (Limansky), S. Sharap, Kuban Cossacks, Ukrainian literature of Kuban.

С. Г. БУРОВ

БОРИС ПАСТЕРНАК И ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ИВАНОВ: ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ «ЗЕМЛЯ» И ДВА ПОДХОДА К ГЕНИАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается влияние стихотворения Вяч. Иванова «Земля» и доклада «Евангельский смысл слова "земля"» на одноименное стихотворение Б. Пастернака и на некоторые эпизоды романа «Доктор Живаго». Высказывается предположение, что отношение позднего Пастернака к творчеству Иванова и к проблеме гениальности складывалось, в частности, на фоне отношений последнего к Андрею Белому и Гете.

Ключевые слова: Пастернак, интертекстуальность, персонаж, биография.

По замыслу Б. Пастернака, Юрий Живаго является автором стихотворения «Земля», которое впоследствии в числе других его вещей читают «где-то высоко у раскрытого окна над необозримой вечерней Москвою» Гордон и Дудоров [1]. Не мог ли доктор Живаго ассоциироваться и с автором другого стихотворения «Земля»? Это произведение, написанное в августе 1928 года в Риме Вячеславом Ивановичем Ивановым, как со-

общает О. Дешарт, «напечатано в "Современных Записках", Париж, 1937, LXIII» и посвящено Илье Голенищеву-Кутузову, который «часто посещал В. И. в Риме во время летних вакансий 1928 года» [2]. Стихотворение включено в посмертно изданную в Оксфорде книгу Иванова «Свет вечерний» (1962).

Поскольку допустима возможность сравнить Москву (ее соотнесенность с содержанием

«Земли» Пастернака) с Римом (местом создания «Земли» Иванова), а мотив «вечерняя» в эпилоге «Доктора Живаго» – со «Светом вечерним» Иванова, проведем некоторые сопоставления, включая в интертекстуальную игру также работу С. Н. Булгакова «Свет невечерний» (1917).

Осенью 1947 года тексты, вошедшие в «Свет вечерний», были переданы приехавшим в Рим английским ученым М. Боура и И. Берлину. Пастернак был знаком и переписывался с обоими, а с последним встречался при его приездах в Москву (1945 и 1956 гг.) и мог получить от него сведения об Иванове (хотя в воспоминаниях Берлина об этом не упомянуто).

«Земля» Пастернака может восприниматься как альтернатива «Земли» Иванова. Это написанное на чужбине стихотворение содержит отсылку к образу Микулы Селяниновича: имя использовано Ивановым как нарицательное – им обозначено духовное убожество. Бывший управляющий именина Крюгеров Микулицын из «Доктора Живаго» тоже состоит в «родственной» связи с былинным персонажем и представляет собой фигуру, контрастную собирательным «Микулам, сельским уроженцам», в частности тем, что он – уроженец города (несмотря на то, что живет «на земле» и знает, как возделывать картошку, Микулицын никогда не поднимал «ралами поля»).

Пастернак мог рассматривать «Землю» Иванова как текст «утаенный» не только потому, что автор жил и писал в эмиграции. Создаваемый роман в целом вобрал в себя множество чужих и своих текстов, оставляя более или менее скрытые вешки-отсылки к ним. Еще в 1931 году в строфах цикла «Волны» Пастернак обозначил программную установку по отношению к «опыту больших поэтов», содержащему естественность, равную простоте, которую необходимо «утаять» [1].

Отметим также, что в «Докторе Живаго» есть переключки с докладом Иванова «Евангельский смысл слова “земля”» (1909, переработан для нового издания в 1929 г.). Они важны для понимания образа Юрия Живаго, спроецированного на образ Георгия Победоносца, покровителя земледелия. О. Фетисенко, подготовившая комментарии к публикации доклада в журнале «Символ», основанном в 1979 году славянской библиотекой в Париже [3], назвала текст упомянутого доклада одним из важнейших для творчества Вячеслава Иванова. «Вопрос о Земле представляется мне в христианстве центральным», – отмечал Иванов. «Возвращая» христианству исконную «верность Земле», он ссылаясь на Ницше и спорил с критикой христианства, представленной у Мережковского, Розанова: «Религия, отличающаяся от всех других именно тем, что она провела дальше всех других линию духовного пути к Богу до нисхождения от Отца в лике Жениха к Земле ради спасения Земли, религия, дающая последние откровения о Земле, религия Благовестия о искупленной Земле, – была сочтена религией забвения о Земле, неприятия Земли» [4]. В этом смысле пастернаковская строка «врывается земля нахрапом» означает, что земля врывается по-

добно «духу <...> любви, как внутри<ней> церковной соборности», который «вырывает ядовитое жало у Змия познания и проклятого в делах человека и пресмыкающегося в нашей низменной лжемудрост<и> возносит на крест, как исцеляющее людей знамение» [5].

Обратим внимание на отчетливый евангельский подтекст описания болезни Юрия Живаго, когда зимой 1917–1918 годов он в бреду почувствовал, что «всегда хотел написать, как в течение трех дней буря черной червивой земли осаждает, штурмует бессмертное воплощение любви, бросаясь на него своими глыбами и комьями, точно как налетают с разбега и хоронят под собою берег волны морского прибой. Как три дня бушует, наступает и отступает черная земная буря. И две рифмованные строчки преследовали его: Рады коснуться и Надо проснуться. Рады коснуться и ад, и распад, и разложение, и смерть, и, однако, вместе с ними рада коснуться и весна, и Магдалина, и жизнь. И – надо проснуться. Надо проснуться и встать. Надо воскреснуть» [6]. Это пророческое видение о том, кого ищет женщина (Лара = земля = Магдалина), и что необходимо и предстоит сделать доктору Живаго (исцелителю жизни = Христу). Комментаторы связывают эти «рифмованные строчки» с финалом стихотворения «На Страстной».

Добавим, что строка «Надо проснуться» отсылает и к оценке первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева, которую дал А. И. Герцен в «Былом и думах»: «“Письмо” Чаадаева было своего рода последнее слово, рубеж. Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь, тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь, весть об утре или о том, что его не будет, – все равно, надобно было проснуться» [7]. Кроме того, данная ситуация, а также сон Живаго в Варькино, когда его пробуждает женский голос (голос Лары), корреспондируют со стихотворением Ф. И. Тютчева «Графине Е. П. Ростопчиной в ответ на ее письмо» (1850).

Вне сомнения, можно утверждать, что «Земля» (21-е из 25 «Стихотворений Юрия Живаго») относится к евангельским стихотворениям, однако трактует не сюжеты Священного Писания, хотя и «has a subtext of the Last Supper» [8], а смысл евангельских понятий, актуализированный символами, в частности Ивановым, отмечавшим: «Прежде всего я желал бы утвердить, что новозаветное благовестие содержит определенные изречения, смысл которых есть отвержение, или, по слову Достоевского, неприятие *мира*, но нигде не содержит указаний, имеющих смысл отвержения или неприятия *Земли*» [9]. Пастернак благовествовал о Новом Завете, внешне опровергая программную мысль Иванова и одновременно внутренне следуя усвоению тезиса: «Новый Завет есть благовестие о Земле, б<ыть> м<ожет>, еще не достаточно усвоенное и во всяком случае еще не реализованное» [10].

А еще, как указывает Г. В. Обатнин, этот текст Иванова вместе с докладом «О достоинстве женщины» (и рассказом Б. К. Зайцева «Аграфена»)

содержит «сюжет о женщине, ищущей истинного мужа». Исследователь отмечает также интерес Иванова к О. Вейнингеру [11]. Возможно, книга Вейнингера «Пол и характер» могла ассоциироваться у читавшего ее Пастернака с проблемой пола и с личностью Вяч. Иванова. Эта книга могла быть предметом обсуждения при встрече Иванова и Пастернака в 1914 году, в частности, в связи с разговором об Андрее Белом (см. письмо Б. Пастернака к Д. Е. Максимова от 14 окт. 1956 г.). Рецензируя вышедший в 1909 году русский перевод книги «Пол и характер», Белый назвал ее «психологическим документом гениального юноши» – лишил научного значения и «утверждал <...> что “женское начало оплодотворяет творчество гения” (мужчины)» [12].

Аллюзии на Иванова вводились автором в роман «Доктор Живаго», как правило, с оглядкой на такие масштабные фигуры в литературе своего времени, как Гете, Маяковский. Внимание Иванова к Гете [13] давало толчок к осмыслению произведений и сопоставлению личностей, которые сближала не только манера поведения, колоссальная ученость, духовный универсализм, но и «гиперсексуальность». Женитьба Иванова на молоденькой падчерице вызывала сравнение с увлечением 75-летнего Гете юной Ульрикой Левецов (как и ее предшественницами Минной Герцлиб и Марианной Виллемер), спроецированным на историю Фауста. Перевод поэмы «Фауст», осуществлявшийся Пастернаком во время работы над романом, мог актуализировать труды Иванова о Гете, напомнить о любовных пристрастиях. К этому прибавлялась и собственная драма – отношения с О. В. Ивинской при сохранении семьи с Зинаидой Николаевной Пастернак (Нейгауз), черты которой были использованы в изображении Лары и Амалии Карловны.

Эта, теперь уже собственная, семейная ситуация, столь напоминая гетевскую, могла вызвать и трагически откровенное стихотворение «Ветер» (1953), включенное в цикл «Стихотворения Юрия Живаго». Не отрицая огромного пиетета к Гете и Иванову, можно лишь догадываться, как мог быть воспринят подарок, сделанный Пастернаку франкфуртским издательством «Fischer-Verlag». К 70-летию поэту передали автограф, датированный 10 июля 1825 года, – приглашение на обед, написанное рукой Гете и посланное некогда веймарскому профессору Х. В. Швейцеру. Ранее в ответ на подаренный Музеем Гете в Веймаре экземпляр перевода «Фауста» Пастернак получил памятную медаль с изображением великого немецкого поэта [13].

Разумеется, знаки внимания и признания литературных заслуг были приняты писателем с благодарностью. Но это не изменило амбивалентного восприятия Пастернаком Иванова, его стихов и статей (в 1910-е гг.) и ответной (негативной) реакции в «Докторе Живаго» на Иванова в жизни.

Пастернак сделал Юрия Живаго мистическим анархистом, а «мысли и жесты» Иванова (поведение старшего поэта; то, как он выстраивал свой жизненный путь) оказались тенью внутреннего

мира доктора, антитезой совершенного им духовного подвига.

Загравивая еще один важный момент, мы (по необходимости) сильно его упростим. В осознании позднего Пастернака, успевшего оценить все «прелести тоталитаризма», революционность и связанный с ней футуризм выступали явлениями негативными. Едва ли не все носители и апологеты революционного начала в «Докторе Живаго» имеют украинское происхождение. Оно более или менее тщательно закамуфлировано, подобно тому, как это дано в образе сестер Тунцевых (их прототип – сестры Синяковы). По Пастернаку, революция в Россию принесена из Украины. Из некоторой сказочной «страны обилия», при этом, на деле, являющейся «царством мертвых» (см. трактовку фантастических сказок у В. Я. Проппа). Революцию устраивают в Петербурге и Москве и продвигают дальше на Восток (яркий пример – Клинцов-Погоревших, рыжий матрос в эшелоне, везущем семью Живаго на Урал). Неудача отношений с Надеждой Синяковой, ее происхождение (семья выходцев из Украины), антисемитизм ее отца и безбожие матери – частные проявления факторов, обусловивших антифутуризм, антиреволюционность, антиукраинскость, христоцентризм Пастернака. Отсюда, мы полагаем, и его негативное отношение к «гиперсексуальности» Гете – Иванова – Маяковского.

Многие слагаемые, обусловившие эволюцию воззрений при работе над романом «Доктор Живаго», помогли Пастернаку справиться с огромным повествовательным полотном. Если обобщить проблему его отношения к поэтам, о которых шла речь, можно интерпретировать роман как текст, реализовавший идиосинкразию к «гиперсексуальным» и творчески плодовитым гениям. Каждая из гениальных фигур подвергалась скрываемой от читателя обструкции: входила в триаду, средний член которой был анти- или асексуален (в силу важных для Пастернака духовных прорывов). Противопоставленные полюса сходились друг с другом «гиперсексуальностью», склонностью к излишествам. Так, Иванов противопоставлялся не менее любвеобильному Блоку, а осевой (средней между ними и потому позитивной) фигурой представал Андрей Белый, давно услышанные ивановские намеки на «слабость» которого все еще, по-видимому, возмущали 66-летнего Пастернака.

Осевым по отношению к антиномии Маяковский – Цветаева представал сам Пастернак (двойник Андрея Белого). Вынесение такого текста, как «Ветер», на суд публики было демонстративным шагом, определявшим эту позицию. Однако Пастернак снимал отождествление лирического героя с собой (авторство стихотворения приписано герою романа).

Триаду, в которую входил Гете, можно представить так: Гете – Шеллинг – Ницше. Немаловажным проявлением «гиперсексуальности» неосевых фигур при этом оказывается количество написанного. Говоря о Ницше и Гете, Пастернак всякий раз обращал внимание (в позитивном или негативном клю-

че, что при ближайшем рассмотрении оказывается амбивалентным) на объем их творений. Свое же наследие, как явствует из многих высказываний, Пастернак склонен был недооценивать: приуменьшать количество созданного. «Доктор Живаго» не был исключением. Однако эту вещь автор ценил выше всех других своих произведений.

Литература и примечания

1. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 4. М., 2004. С. 514.
2. Иванов В. И. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 829.
3. Иванов В. Евангельский смысл слова «земля» // Символ. 2008. № 53–54. С. 68–84.
4. Там же. С. 72.
5. Там же.
6. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений ... Т. 4. С. 206.

7. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. М., 1956. Т. 9. С. 139.

8. Livingstone A. Boris Pasternak. «Doctor Zhivago». Cambridge, 1989. P. 108.

9. Иванов В. И. Евангельский смысл слова «земля»... С. 74.

10. Там же. С. 74.

11. Обатнин Г. Иванов-мистик. Окультизм и мистика в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). М., 2000. С. 119, 121.

12. Деринг-Смирнова Р. Пастернак и Вайнинггер // Новое литературное обозрение. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/37/genata.html>

13. Этот вопрос отчасти затронут в работе: Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1937.

13. Об этом см.: Переписка П. Сувчинского и Б. Пастернака (1957–1959) // Козовой В. Поэт в катастрофе. М.; Paris, 1994. С. 187–286.

S. G. BUROV. BORIS PASTERNAK AND VYACHESLAV IVANOVICH IVANOV: TWO POEMS «ZEMLYA» AND TWO APPROACHES TO GENIUSES

The article analyses the influence of Vyacheslav Ivanov's poem «Zemlya» and the report «Evangelical sense of the word "zemlya"» on B. Pasternak's poem of the same name and on some episodes of the novel «Doctor Zhivago». It is supposed that the attitude of «late» Pasternak to Ivanov's creative work and to the problem of genius was formed, in particular, on a background of attitude of the latter to Andrei Belyi and Goethe.

Key words: Pasternak, intertextuality, personage, biography.

Г. Н. НЕМЕЦ

ФЕНОМЕН ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭССЕИСТИКЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Статья посвящена изучению феномена публицистической личности в системе эссеистического творчества О. Э. Мандельштама.

Ключевые слова: эссеистика, публицистическая личность, компетенции.

Феномен творчества издавна привлекал ученых-исследователей социально-гуманитарного направления – философов, культурологов, искусствоведов, филологов, социологов и др. Он представляет собой процесс «воплощения замысла в знаковую систему и вырастающую на ее основе систему образов, процесс объективизации мысли в тексте, процесс отчуждения замысла <...> передачи его через произведение читателю, зрителю, слушателю» [1], продуктом эстетической деятельности являются «общественно значимые материальные или духовные ценности» [2]. Художнику «приходится занимать эстетическую позицию по отношению к неэстетической действительности познания и поступка» [3]; в качестве эстетического завершения этого процесса мы наблюдаем «образ законченного события» в системе текста [4].

Понимание эстетической позиции художника по отношению к внеэстетической действительности предполагает наличие компетентного подхода у исследователей. В этой связи В. И.

Тюпа выделяет компетенции: «знания», «убеждения», «мнения», «понимания», которые, по его мнению, обеспечивают коммуникативный статус произведения-текста [5]. А. Ф. Лосев писал следующее. Как действительность создает принципы своего конструирования, так и мышление, будучи отражением действительности, тоже само строит для себя принципы своего конструирования; если действительность всегда есть творчество нового, то и мышление есть всегда творчество нового. Творить новое – значит создавать принципы его конструирования. Переделяет действительность сам человек, обозначаемый как «вечная проблема, которая вечно решается» [6].

Произведения создаются творческими индивидуальностями. Литературная личность – динамическая система, соотносимая с той или иной литературной эпохой, по Ю. Н. Тынянову, не «замкнутое пространство, в котором налицо то-то», она, «скорее, ломаная линия, которую изламывает и направляет литературная эпоха» [7], что в текс-